

Юрий Геннадьевич Ершов

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и политологии
Уральского института управления – филиала
РАНХиГС при Президенте РФ,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: ers@ui.ranepa.ru

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Статья посвящена проблемам методологии исследования коррупции в контексте социальной философии и теории неомодернизации. Отправным пунктом анализа служат некоторые и об идее Второй конференции «Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции» 2016 г. В частности, речь идет о традиции определения Российского государства как сословно-рентного (В.С. Мартьянов) и об идее коррупционного государства (П.И. Костокрызов). Автор данной статьи опирается на собственный тезис о преемственной связи СССР и России как обществ смешанного, промежуточного характера, не решивших до конца задачи модернизации, сочетающих черты как традиционализма, так и современности. Они сохраняют сословную социальную структуру, авторитарный политический режим, синкретическое единство отношений власти и собственности. Причиной хронически незавершенных модернизаций в российской истории является стремление ее инициаторов к удержанию государственной власти вопреки объективным задачам реформирования общества. Декларативный характер идей и принципов правового государства, и прежде всего отсутствие независимого правосудия, превращают борьбу с коррупцией в средство внутриэлитной борьбы за власть и обогащение, инструмент передела сфер влияния, ресурсов и доходов. В соответствии с этим закономерен вывод следует, что борьба с коррупцией – это девиация для коррупционного государства, сводящаяся к наказанию не имеющих права на коррупционное поведение или превышающих негласную меру мздоимства.

Эгоистичная и корыстолюбивая политика властвующей элиты предопределяет неуклонный рост коррупции во всех сферах власти и управления. Делается вывод, что коррупция как способ государственного управления обществом с распределительно-сырьевой экономикой и соответствующей сословно-статусной социальной структурой с огромной степенью вероятности приближает Российское государство к состоянию советского общества перед перестройкой 1985–1991 гг.

Ключевые слова: коррупция, государство, властные элиты, публичная власть, политический режим.

В России продолжается непримиримая борьба теоретиков с коррупцией, о чем убедительно говорят факты активной научной разработки этой темы. Множатся диссертации, монографии и статьи, проводятся конференции, посвященные проблемам научного обеспечения формирования и реализации государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. Плодотворные усилия ученых и научных коллективов можно подразделить на два направления. Одно, существенно преобладающее, реализует традиционные подходы к изучению коррупции как негативного социокультурного и политико-правового феномена. В рамках этого подхода анализируется отечественный и зарубежный опыт противодействия коррупции, изучаются причины и условия ее порождающие, предлагаются меры по совершенствованию законодательства, государственной службы и т.п.

Но есть и другие взгляды на затронутую проблему, предлагающие ее решение в более широком историческом контексте. Например, П.И. Костогрызов настаивает на различении понятий «коррупцированное государство» и «коррупционное государство». В коррупцированном государстве коррупция подобна раковой опухоли, приводящей (при превышении критического уровня) к агонии государства, превращению его в *failed state*. В коррупционном же государстве неформальные институты – неотъемлемая «теневая» часть самой государственной машины, активно участвующая в выполнении ее задач (Костогрызов 2016: 393). Терминологически эта новация, по нашему мнению, не совсем удачна ввиду семантической близости понятий коррупцированности и коррупционности как результата и причины одного процесса. Кроме того, можно предположить, что и коррупционному государству ничего не мешает эволюционировать в *failed state*. Наконец, может возникнуть вопрос о характеристиках «криминального» государства и соотношении его признаков с упомянутыми типами. Но повод для размышления это предложение, несомненно, дает.

Системный характер коррупционного государства создается соответствующими, то есть системообразующими, источниками. К их числу относятся: а) патрон-клиентная иерархия

публичной власти, замыкающая эту власть на узкий круг доверенных лиц и противодействующая функционированию легальной институциональной системы; б) замкнутый характер системы власти, снижающий ее динамику и препятствующий ее обновлению современными способами; в) отсутствие верховенства права и независимого правосудия, что превращает борьбу с коррупцией в средство внутриэлитной борьбы за власть и обогащение, передел сфер влияния, ресурсов и доходов. В соответствии с этим закономерен вывод, что борьба с коррупцией – это девиация для коррупционного государства, сводящаяся к наказанию не имеющих права на коррупционное поведение или превышающих негласную меру издоимства.

Коррупция, обретая полноту системного процесса, неизбежно стремится к сохранению и устойчивому воспроизводству, используя механизмы формально демократического избирательного процесса. Следовательно, в коррупционном государстве с необходимостью возникает и электоральная коррупция. Обеспечивая незаконными способами победу ставленников действующей власти, препятствуя представителям оппозиции и искажая результаты выборов, она дестраивает систему политической коррупции до ее логического завершения. То есть происходит рутинизация коррупции для большинства населения, воспринимающего ее как заурядную черту повседневности и обычное право «начальства».

Такое государство рано или поздно становится тяжелым бременем для общества, поскольку его содержание не ограничивается стандартными налогами; финансы граждан истощаются хищениями, взятками, «откатами», «распилами» и т.п. К тому же коррупционное государство объективно оказывается тормозом или даже препятствием для нормального развития экономики, поскольку общее благо – не предмет заботы властвующей элиты, а смена ее в поколениях ведет к политической и управленческой деградации, в частности к утрате способности мыслить стратегически в интересах всего общества. Такова логика концентрации на присвоении экономических ресурсов страны, сохранении и удержании власти в долгосрочной перспективе. Бесконечные трансформации системы управления и государственной службы, социальных институтов и законодательства выполняют двоякую роль: производят эффект неустанной заботы об обществе и все

больше укрепляют власть и материальное положение основных элитных групп. В известном смысле речь идет о бесконечном реформировании, не приводящем к каким-либо действительным качественным сдвигам. Соответственно такое государство будет бесконечно и в то же время победоносно вести борьбу с коррупцией. Такая борьба будет выглядеть как стрельба по мишеням, падающим при попадании в них и немедленно возникающим снова, повинуваясь действию подъемного механизма.

Вывод о соответствии политической системы России – в большей мере – модели коррупционного государства напрашивается сам собой, подтверждаясь коррупционными практиками воспроизводства системы государственного управления, в чем солидарно экспертное сообщество.

Так, под другим углом категориального анализа к сходным выводам приходит В.С. Мартьянов. В контексте норм, ценностей и институций современного цивилизованного общества использование госслужащими в личных, эгоистических интересах вверенных им властных полномочий и ресурсов, несомненно, является коррупцией. Но, как замечает В.С. Мартьянов, ключевая проблема современной России – в том, что она не является модерным (читай: современным цивилизованным. – Ю. Е.) обществом, а подобное поведение должностных лиц – кормление с должности, дающей доступ к ренте от использования властного ресурса, – выступает скорее негласным правилом, чем исключением (Мартьянов 2016: 31). Поэтому коррупция – вовсе не социальная патология или криминальное деяние, а, пожалуй, социально-политическая норма Российского государства. Те же нормы, которые выдаются за свидетельство принадлежности к современности, на самом деле – мимикрия, ширма для мнимого соответствия конституционным требованиям (заимствованным, кстати, у либеральной цивилизации) и принятым в мировом обществе стандартам деятельности государственной власти.

Правящая элита страны, увязнув в потоке сверхприбылей от нефтегазового сектора, сегодня неспособна изменить выбранный курс в силу высоких рисков потери власти. Политический режим представляет конфигурацию власти, воспроизводимую сложившимся порядком распределения сверхдоходов от экспорта энергоресурсов, определяющего динамику и характер развития социально-экономической системы страны

в целом. В этой экономике, указывает В.С. Мартьянов, «капитальные бюджетные средства усиленно вкачиваются в крупные рентоёмкие отрасли (домовое, дорожное строительство и ремонт, ВПК, ненужные обществу мегапроекты, расширение естественных монополий), в то время как бюджетное обеспечение социальных услуг населению (образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т.п.), с которых трудно извлечь значимую ренту, в общих объёмах бюджетных расходов сокращается. Сама легитимация статусной ренты (коррупции) является для общества архаизирующей: она предполагает отказ агентов государства и граждан от эквивалентных обменов ресурсов (налогов) на государственные услуги и блага в пользу традиций дарообменных процессов» (Мартьянов 2016: 33–34).

Оставаясь в рамках подобного подхода, уповающего на победу над коррупцией с помощью законодательных мер и деятельности правоохранительных органов, мы включаемся в процесс воспроизводства коррупционных отношений, имеющих вполне определенную направленность. Государство все в большей мере отчуждается от общества, начинает выступать по отношению к нему как внешняя и враждебная сила, превращающая полноправных граждан в безропотных подданных.

В такой ситуации лишаются смысла инвективы типа «злоупотребление государственной властью», «использование должностных полномочий в личных интересах», «казнокрадство», «мздоимство» и т.п., поскольку в государстве с коррупцией как нормой жизни они оказываются пустопорожней риторикой. Это – не противозаконная коррупция, а обычный, даже рутинный порядок действий члена определенной политико-административной группировки, неформально санкционированный лояльной принадлежностью к ней. «Следовательно, – продолжает автор, – чтобы изменить коррупционную реальность, обществу, государству и его агентам в первую очередь необходимо признать эту реальность если не нормой, то хотя бы такой, какая она есть на самом деле» (Мартьянов 2016: 31). Только в случае трезвого, адекватного отношения к социальной реальности возможно действительное движение к современности. Соответственно основные подходы к исследованию коррупции должны быть подвергнуты анализу на предмет их методологической и эвристической пригодности.

Правда, утверждение о необходимости открытого признания рентно-сословного характера Российского государства как исходного пункта процесса реального противодействия коррупции закономерно вызывает вопрос о политическом субъекте подобного признания. Ответ тем более важен, что речь идет о трансформации самого типа государства. Только революционные изменения могут превратить коррупцию из господствующей формы легитимной сословно-статусной ренты в обычную социальную патологию. Но тогда всплывает в памяти пророческое предупреждение, сделанное Н.А. Бердяевым: «Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляло бы даже опасность для России и грозило бы анархией» (Бердяев 1990: 120). Сегодня становится все яснее, что в 1990-е гг. в России к власти пришла отнюдь не «творческая сила», но степень ее организованности весьма высока. Видимые последствия ее прихода как раз и составляют предмет обсуждения.

Как же дело обстоит с анархией?

Коррупционные механизмы обеспечивают устойчивость имманентной системы на протяжении определенного периода ее развития. Где предел этой стабильности, зависит от ряда конкретно-исторических факторов. Но время жизни подобной социально-экономической и политической системы определяется степенью перерастания коррупции как неформального института в основной способ организации властно-управленческих отношений. Коррупционные практики оказываются ведущим механизмом регулирования всей системы государственного управления, обеспечивающим не только устойчивость политического режима, но и кратковременные экономические успехи. Подчеркнем, что речь идет не о модернизационном эффекте коррупции, о котором писал еще С. Хантингтон, считавший ее естественной составляющей, системным фактором процесса кардинальных изменений общественных структур (Хантингтон 2004). (Экономисты и специалисты в теории организаций часто указывают на связь коррупции с быстрыми экономическими изменениями.) В период модернизации бюрократически-централизованных государств (прежде всего,

бывших социалистических) коррупционные практики рассматривались как своего рода механизмы адаптации к условиям ломки традиционных институтов, как факторы, позитивно влияющие на политическое и экономическое развитие общества. Логика доказательства не отличалась особой изощренностью – коль скоро высокий уровень коррупции в реформируемых странах сочетался с устойчивым положением возникших политических режимов, то коррупция признавалась как исторически закономерный атрибут модернизации. Да, действительно, при трансформации застойных, полутрадиционных экономик в направлении рынка коррупция часто служит способом решения экономических проблем, неформальные связи в управлении экономической создают импульсы для ее развития, обеспечивая необходимую динамику и гибкость адаптации.

Ошибка теоретиков заключалась в игнорировании момента, в который переходные режимы, трактуемые как открытые для дальнейшего поступательного развития, сначала «застывают» в промежуточном состоянии, а потом начинают попятное движение, восстанавливая свои ключевые системные черты. То есть то, что принималось за тактику, оказалось стратегией, и в обличье современных форм прорастает архаика.

Каковы же причины такого положения? Они достаточно просты. Коррупционные практики обрели устойчивый характер, поскольку стали обеспечивать воспроизводство в еще более расширенных, чем прежде, масштабах: а) обогащения за счет присвоения прежних государственных и общественных ресурсов, в первую очередь природных; б) контроля над социальными, экономическими и политическими процессами. «Теневые» формы взаимодействия элитных групп создают и упрочивают сети личных, неформальных связей, практически с самого начала заменяющих так и не успевшие сложиться формальные институты. Тем самым коррупция выступает средством организации политического порядка, самосохранения системы.

Как показывает отечественная история, прошлая и современная, все интенции к изменению, которые появляются у правящего режима как ответ на подошедшие к критической черте трансформации, происходят по привычной схеме. Они приводят поначалу к попыткам силовым образом усмирить политическую оппозицию и к подачкам населению; после краха

к власти приходят представители той же элиты, начинающие повторение прошлого.

Надеяться на реформаторской импульс, который даст толчок кардинальным изменениям общественного строя, запустив при этом в качестве важнейшего фактора реформ систему антикоррупционных действий, в данной ситуации, скорее, наивно. Любой вариант возможного развития событий чреват социально-политическими потрясениями, но при этом трудно, скорее – невозможно, рассчитывать на самостоятельную роль гражданского общества.

Абсолютно права С.В. Оболкина, во-первых, связывая «оснащенность» коррупционера с его уверенностью в том, что его «прикроют», поскольку системная коррупция – явление в первую очередь групповое, поэтому бороться следует в первую очередь с «коллективизацией» субъекта коррупции – причем иерархически организованного субъекта. Во-вторых, «антикоррупционные меры должны перестать выглядеть исключительными», они должны приобрести заурядный, рутинный характер. Психологически точно замечание, что для массового сознания наказание за коррупционную деятельность обретет характер «неотвратимой беды», если оно буднично, а не исключительно (Оболкина 2016: 75).

В литературе справедливо указывается на недостаточность у высшей власти политической воли к преодолению коррупции. Залогом действительно эффективной борьбы с ней может быть широкая и мощная поддержка институтов гражданского общества. Правда, при этом же подчеркивается, что гражданское общество в последние годы сжимается как шагреновая кожа, все ветви государственной власти сделали очень многое для сведения его потенциала, в том числе антикоррупционного, к нулю. Отсутствие конкурентной политической и экономической среды, независимых СМИ, суда и т.п. приводит к освобождению гражданского общества во взаимоотношениях с властью и от контролирующих функций. Тем более что говорить о гражданском обществе как фундаменте правового государства в России не приходится – интерпретация российских «реформ» как воплощения либерально-демократических институтов и ценностей изрядно способствовала накоплению в обществе устойчивого антимодернизационного потенциала. Важное значение имеет

и то, что, по подсчетам социологов, примерно 66-67% российского населения относится к бюджетной сфере (госслужащие, силовики, учителя, медики, пенсионеры и т.д.), следовательно, в плане основного источника существования зависят от государства. Как и в советском обществе партийно-государственная номенклатура, сегодня чиновники высшего и среднего уровней образуют отдельное сословие, противостоящее остальному населению, большинство из которого составляют социально-профессиональные группы, зависящие от бюджета. Сословный характер положения в обществе социально-профессиональных групп был характерен и для советского общества – сословный статус определялся местом в политической и административной иерархии; и в советском обществе дистрибутивные (распределительные) политико-экономические обмены превалировали над рыночными, современными обменами.

Коррупциогенные факторы – концентрация власти «в одних руках», распределительная политика государства, господство личных связей, лояльность власти и т.д. – питательная почва для коррупции, они выступают источником благополучия, богатства, признания, престижа, социального продвижения, влияния, безопасности. В этом качестве они противоположны признакам современного цивилизованного общества: приоритету развития человеческого капитала, росту знаний, наращиванию социального капитала, инновационному развитию и т.д., требующим в качестве необходимых условий верховенства права, независимого суда, защиты частной собственности.

Методологически значимым выводом исследования представляется заключение о ложности постановки проблемы коррупции как явления, несовместимого с российской государственностью. Необходимо изменение самой социальной онтологии российского общества, его типа и структуры, в которой властеуправляющие сословия получают статусную (политико-административную) ренту в противоположность выживанию остальных слоев населения, остающихся наедине со своими экономическими и жизненными проблемами. Попытки данных социальных слоев идентифицировать указанную ренту в качестве коррупции вызывают защитную реакцию сословно-рентного и коррупциогенного государства, его властвующего сословия. Эта реакция, по мере исчерпания возможностей нормальных

средств управления, становится все более агрессивной; в итоге власти приравнивают любую критику сложившегося положения к экстремизму, терроризму, вплоть до государственной измены. Как показывает опыт отечественной и мировой истории, создание атмосферы «осажденной крепости» и сплочения против внешней угрозы – действенный способ сохранения существующего порядка. Правда, его применение, по мере того как выясняется подлинный смысл его использования, несет угрозу держателям этого существующего порядка.

Материал поступил в редакцию 20.10.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бердяев Н.А. 1990. Истоки и смысл русского коммунизма. Репр. изд. М.: Наука. 224 с.

Костогрызов П.И. 2016. Коррупция в Латинской Америке и России: общее и особенное // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 390-399.

Мартыанов В.С. 2016. Коррупция и сословно-статусная рента в России // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 31-48.

Оболкина С.В. 2016. Коррупция и «механизмы» повседневности // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 71-78.

Хантингтон С. 2004. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция. 480 с.

Yuriy G. Ershov, Doctor of Philosophy, Professor, Head, Chair of Philosophy and Political Sciences, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia. E-mail: ers@ui.ranepa.ru

CORRUPTION AS A THREAT TO STATEHOOD

Abstract. The article is devoted to problems of methodology of studying corruption in the context of social philosophy, and theory of neo-modernization. Some ideas of the 2nd conference "Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of combating corruption" of 2016 serve as the starting point for the analysis. In particular, we speak

about the tradition of defining the Russian state as a class-rental (supported by V.S. Martianov), and the idea of a corrupt state (put forward by P.I. Kostogryzov). The author of this article relies on his own conclusion about the continuity of the USSR and Russia as societies of mixed, intermediate character, which have not solved the problem of modernization, combining both features of traditionalism and modernity. They preserve the class social structure, authoritarian political regime, and syncretic unity of relations of power and property. The reason for the chronically incomplete modernization in Russian history is the desire of its initiators to retain state power in spite of the objective tasks of reforming society. The declarative nature of the principles of the rule of law, primarily the lack of independent justice, make the fight against corruption a means of intra-elite struggle for power and enrichment, a tool for redistribution of spheres of influence, resources, and income. In accordance with this conclusion, the fight against corruption is a deviation of corrupt state, which is reduced to punishment of those who do not have the right for corrupt behavior or exceed the unspoken measure of bribery.

The selfish and self-serving policy of the ruling elite predetermines the steady growth of corruption in all spheres of power and management. It is concluded that corruption as a way of state management of the society of distribution and raw materials economy, and the corresponding class-status social structure with a high degree of probability brings the Russian state to the situation in the Soviet society before the restructuring of 1985–1991.

Keywords: corruption; state; power elites; public power; political regime.

References

Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma. Repr. izd.* [The origins and meaning of Russian communism. Repr. ed.], Moscow, Nauka, 1990, 224 p. (in Russ).

Huntington S. *Politicheskiy poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political order in changing societies], Moscow, Progress-Traditsiya, 2004, 480 p. (in Russ).

Kostogryzov P.I. *Korruptsiya v Latinskoy Amerike i Rossii: obshchee i osobennoe* [Corruption in Russia and Latin America: common and distinctive features], Rudenko V.N. (ed.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii* : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 390-399. (in Russ).

Martyanov V.S. *Korruptsiya i soslovno-statusnaya renta v Rossii* [Corruption and caste revenue], Rudenko V.N. (ed.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii* : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 31-48. (in Russ).

Obolkina S.V. *Korruptsiya i «mekhanizmy» povsednevnosti* [Corruption and everyday life “mechanisms”], Rudenko V.N. (ed.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii* : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 71-78. (in Russ).